

Юрий Яковлевич ВИН¹

УДК 93

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ: ПОДВОДЯ ИТОГИ

¹ кандидат исторических наук
старший научный сотрудник,
Институт всеобщей истории,
Российская академия наук
hkn@igh.ras.ru

Аннотация

Сельская община, в том числе ее средневековые формы, всегда вызывала к себе интерес ученых. Подходы к ее изучению многообразны. И в наши дни средневековая сельская община неоднократно становилась предметом всестороннего освещения на страницах многочисленных книг и статей. Их анализ помогает автору статьи на основе новейших методологических установок современных когнитивных наук сформировать ее научно обоснованный концепт. Представлена его сопряженность с концепциями коллектива и коллективизма, соседства и солидарности. Многие стороны жизни средневекового общинного села реконструируются в большой мере гипотетично. Тем не менее они позволяют с уверенностью говорить о том, что и сельская община, и приходская организация, которую вполне оправданно рассматривать как своего рода альтернативный инвариант общины, независимо от того, совпадали они полностью или частично, в основных их чертах оставались неформальными объединениями с присущими им социокультурными признаками. Главное, что превращало совокупность жителей села в подлинную общину, заключалось в естественно-исторически возникавшей социокультурной и психологической общности ее. Одновременно дано определение средневековой сельской общины, исходя из посылки о том, что она является, цитируя дословно, «организацией жителей деревни, объединяющей их на основе родства, свойства и соседства для регулирования социально-экономических, включая самоуправление и

Цитирование: Вин Ю. Я. Социокультурный концепт средневековой сельской общины: подводя итоги / Ю. Я. Вин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Том 4. № 2. С. 174-192.
DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-2-174-192

межсословное взаимодействие, культурно-бытовых, идейно-религиозных отношений своих членов благодаря формированию между ними психологической общности». Это определение служит надежной посылкой для воссоздания социокультурного концепта средневековой сельской общины. Она рассматривается автором этих строк как формальное и неформальное социальное объединение сельских жителей. Предлагаемый концепт предопределяет дальнейшие перспективы изучения общинной проблематики эпохи Средневековья по мере освоения специалистами-историками вновь разрабатываемых методов опирающейся на междисциплинарный подход когнитивной науки.

Ключевые слова

Община, сельская община, коллектив, коллективизм, солидарность, соседство.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-2-174-192

*Посвящается столетию со дня рождения
чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцовой*

В свое время советским историкам, в их числе З. В. Удальцовой, для воссоздания типологии средневекового общества отнюдь не требовалось прибегать к сколь-нибудь изощренным способам анализа сельской общины. Для этого достаточно было использовать сравнительно-исторический метод и системное описание ее характерных черт (например, см.: [24, с. 19-28; 25, с. 398-402, 406-411; 13, с. 476-492; 23, с. 99]). Современная наука диктует новые подходы к изучению явлений прошлого и выдвигает вперед новые методологические средства их исследований. В их ряду ученые нынешнего поколения, обращаясь к междисциплинарным и концептуальным изысканиям, рассматривают «концепты». В них специалисты видят одну из главных категорий человеческого сознания, ментальности и языка. В наши дни концепты систематически оказываются в центре внимания отечественных гуманитариев. Они противопоставляют «концепты» абстрактным категориям и формализованным понятиям как выражение субъективного отношения к фактам ментальной культуры. Будучи восприняты с широких научных позиций, изучаемые «концепты» предлагают историку программу реализации познавательных процедур. В своей совокупности концепты, с одной стороны, отвечают современной научной практике гуманитарных и естественных отраслей знания, с другой — способствуют формированию обобщающих представлений на новом теоретическом уровне, что рассматривается в качестве действенного метода исторического исследования [6, с. 124-142].

Разумеется, выдвинутое положение целиком и полностью относится к сельской общине. Она, безусловно, принадлежит к тому типу многообразных природно-естественных и социальных групп, которые служат сохранению и развитию общества. Безусловно, члены подобных групп преследуют цели отнюдь не социума в целом, а тех общностей, к коим они принадлежат [21, с. 186-233; особ. с. 193-194, 203-213]. Более того, одним из признаков социальной группы

признается осознание ее участниками своей принадлежности к ней, самокатегоризация в качестве представителей своей группы и возникновение на этой основе чувства общности [21, с. 203-204]. Это и определяет историческое значение сельской общины. Недаром современный издатель антологии сочинений об общине российских историков XIX столетия вслед за ними настаивает на том, что крестьянская община была одной из главных стабилизирующих основ русской жизни [19, с. 14]. Именно тогда, на исходе указанного века, К.-А. Р. Качоровский в заголовке первой части опубликованного им труда о судьбе сельской общины прямо поставил вопрос: «Что такое община?». Однако историк еще не знал, что спустя более чем столетие заданный им вопрос не утратит научной актуальности, будучи повторен новейшим издателем этого исследования¹. В своем Заключении ученый приходит к выводу, что «термин „русская крестьянская земельная община“ охватывает такие разнообразные и, так сказать, несоизмеримые формы и такие противоположные трансформации, для которых не может быть одной общей формулы причинности, как для прошлого и настоящего, так и для будущего» [10, с. 426-427; 11, с. 359; 12, с. 358].

Обозначенные особенности явственно представлены в период Средневековья, когда сельская община, по убеждению большинства специалистов, придерживавшихся в свое время позиций исторического материализма, выступала как всеобъемлющий социальный институт [17, с. 580]. С одной стороны, это практически общепринятое мнение позволяло многим исследователям прошлых лет, как, впрочем, и ныне их современным продолжателям в деле исторического изучения сельской общины, избегать в разрешении рассматриваемых ими научных аспектов развития общины выяснения сугубо теоретических нюансов (например, см.: [9, с. 95-99]). С другой стороны, без научно обоснованного их уточнения и разъяснения не обойтись даже эмпирически ориентированным специалистам. Поэтому представители младшего поколения медиевистов, которым удается судить о превратностях изучения средневековой общины «понаслышке», забывая подтвердить то, что им должно быть хорошо известно (имеется в виду постулат «община — социальный институт»), находят виновника всех коллизий недавнего прошлого исторической науки в «теории общины» полуторавековой давности. Так, очерк одной из наиболее ярких последовательниц идеи обновления методологии изучения общины в отечественной медиевистике втор. пол. XX в. завершает вывод о том, что к концу указанного столетия создана картина «эволюции сельской общины, существенно отличавшейся от той, которая составляла суть „старой“ общинной теории». И этот примечательный атрибут использован несмотря на то, что «суть» общинной теории не была раскрыта, а якобы обновленные представления о сельской общине покоились, как и прежде, на признании ее организацией, «выполняющей опре-

¹ См.: [10, 11, 12]. Показательно, что во втором издании труда К.-А. Р. Качоровского приводимый заголовок был опущен (см.: [11]). В современном же переиздании данного труда процитированный вопрос включен в название книги (см.: [12]).

деленные хозяйственные и административные функции» [29, с. 41-44]. Сказанное касается, конечно, не только отечественных, но и зарубежных историков общины. Большая часть из них, обращаясь к тем или иным аспектам изучения сельской общины, воспринимают ее как объект анализа, не нуждающийся в каком-либо дополнительном его определении (например, см.: [30, с. 87-100; 31, с. 101-114; 32, с. 115-131]). Конечно, рассматривать природу сельской общины можно, ставя во главу угла отдельные, пусть и самые важные, казалось бы, на первый взгляд, ее черты, например самоуправление, соседские связи и взаимопомощь (например, см.: [15, с. 5 и дал., 210 и дал.; 27, с. 6-19]). Безусловно, среди специалистов находятся и те, кто понимает, что без уяснения принципиальных сторон изучаемого явления все последующие суждения о нем окажутся поверхностны и эфемерны. Однако и при установлении ряда главных признаков сельской общины суть проблемы далеко не всегда легко постижима. Скажем, Ф. П. Шофилд, приступая к изучению темы средневекового крестьянства и сельской общины, считает необходимым не только подчеркнуть, что сегодня подобное исследование должно носить междисциплинарный характер. Одновременно историк раскрывает свое понимание основных концептуальных направлений названной темы. Одним из первых Ф. П. Шофилд характеризует концепт «община». К сожалению, как ни пытается английский исследователь продемонстрировать особенности средневековой сельской общины — самоуправление, взаимная поддержка, «сопротивление» (подразумеваемая, видимо, противостояние крестьян представителям господствующего класса), «церемония», «коллективное благочестие» и так далее (подробнее см.: [33, с. 5 и т. д.]), на первый план ученый выносит видимые проявления общинного устройства, а не существенные черты его общественной природы, такие как единство, солидарность и коллективизм, складывающиеся на основе рождения психологической общности членов общинного коллектива. Весьма поучительно, что определения крестьянства и общины Ф. П. Шофилд считает расплывчатыми (fluid) для того, чтобы говорить о них однозначно [33, с. 6-7]. Не потому ли споры ученых об общине, о ее подлинной природе и исторической роли не утихают до сих пор? Бесспорным подтверждением тому в последнее время стал выход в свет нового обобщающего труда Л. Б. Алаева, одного из наиболее авторитетных отечественных специалистов, «Сельская община: „Роман, вставленный в историю“» и последовавшее обсуждение названной книги, которому сопутствовала научная дискуссия историков об общине на страницах журнала «Средние века» [2]. (Подробнее о ходе обсуждения названной книги и дискуссии см.: [20, с. 14-40; 18, с. 41-93].)

Л. Б. Алаев, надо признать, продвинулся дальше всех своих коллег в деле осмысления проблемы сельской общины. Еще в «программной» статье, которая предшествовала изданию обсуждаемого труда, ученый, если бы он последовательно раскрывал содержание ее названия, должен был бы ответить на поставленный некогда вопрос К.-А. Р. Качоровского, а также дать внятные объяснения тому, что такое «русская общинность» (см.: [4, с. 46-72]). Увы, об этом Л. Б. Ала-

еву не удалось рассказать толком, на современном научном уровне, ни в названной статье, ни на страницах его книги, сколь бы часто ученый ни обращался к затронутой теме. И помочь в разрешении поднятой проблемы пришлось уже одному из участников обсуждения книги Л. Б. Алаева (см.: [28, с. 36]). Как для его книги, так и для статьи показательно прежде всего отношение их автора к «так называемой „общинной теории“», за которой стояли концепции Г. Л. Маурера и основоположников марксизма-ленинизма [4, с. 64 и дал., 66 и дал.]. Равным образом для научной позиции Л. Б. Алаева характерно убеждение в том, что каждая страна и община в ней, если выражать эту мысль словами самого ученого, имеют свою историю, и судьба общины поставлена в зависимость от исторических условий существования названного института [4, с. 69]. Но именно в этом и заключается главный вопрос Л. Б. Алаева, поставленный хотя и в косвенной форме, о том, допустимо ли называть одним словом «община» совершенно разные по функциям институты [4, с. 70]?

Ответ на указанный вопрос Л. Б. Алаева искать приходится уже в его книге. Здесь, углубляясь в существо научной проблемы, известный ученый, как представляется, с излишней категоричностью заявляет о том, что в научной литературе сельская община, как объект исследования, не получила строгого определения. По словам специалиста, ученые, как правило, руководствуются интуитивными представлениями об общине как сравнительно небольшой локальной социальной группе. И эти высказывания дополняют суждения об экономическом ее единстве, опирающемся на сельскохозяйственные производственные связи. Трудности определения общинного института Л. Б. Алаев объясняет прежде всего многообразием общин. И это, дескать, не позволяет дать краткое и четкое определение общины, выделив ограниченное число необходимых и достаточных ее признаков [2, с. 13].

Тем не менее сам Л. Б. Алаев выдвигает собственное определение. Оно допускает называть общиной любую общность людей, которая, не будучи результатом волевого акта, складывается естественным путем. Словно отдавая должное постмодернистским веяниям современной гуманитарной науки, выдающийся специалист делает, на первый взгляд, слишком абстрактное, с точки зрения упомянутой им социальной практики, дополнение. Согласно тому, община изображена как место сгущения социальных связей, которое окружает зона относительно разреженных социальных связей [2, с. 14]. Эти представления историка без сомнения близки описаниям «концепта» в когнитивных науках [6, с. 124 и далее].

Л. Б. Алаев предлагает и развернутое определение сельской общины, последовательно характеризуя признаки, которые в совокупности выдвинутых семи тезисов очерчивают понятие «сельская община». Она представлена как малая социальная группа, членом которой, находившихся «в известной топографической близости», связывают личностные отношения. Общину, отождествляемую с элементарной ячейкой общества, отличает способность к воспроизводству, по фразеологии самого Л. Б. Алаева, физическому и материальному. Он делает акцент на условиях жизни общинной группы, то есть на ее самовоспроизводстве, которыми объясняется, в соответствии с заявлением ученого, «зна-

чительная теснота» и «интенсивность связей» между членами общины. Ссылаясь на ее разнообразные производственные функции, Л. Б. Алаев выделяет в их ряде особо функцию «культурного общения». При этом ученый не ограничился указанием просто на «общение», а сделал экивок на «потребности общения», уточняя, что речь идет о «социально-бытовом и культурном общении». Одновременно историк усматривает в общине «единственное поле духовного контакта» ее членов, подразумевая их религиозные воззрения и культ. Соответственно собственной формуле изложения мысли Л. Б. Алаева, «тесное общение» нуждается в организации. И потому бесспорным признаком общины признано самоуправление. Наконец, все общины, какие бы функции они ни выполняли, нацелены на сохранение «статуса-кво» и поддержание традиций, которые обеспечивают прежние условия существования. Ведь они в представлениях общинников кажутся, на взгляд Л. Б. Алаева, идеальными ([2, с. 17-19]. Ср.: [1, с. 195]).

Для правомерного понимания приведенного Л. Б. Алаевым определения общины необходимо принять во внимание его утверждение о том, что община не является автономным от общества институтом. В ней ученый видит самое общество — «социальное тело» [2, с. 438]. Приходя к такому выводу, ученый отрицает возможность выявления закономерностей эволюции общины: она-де не единый институт. В различии форм общины не прослеживается, как заявляет Л. Б. Алаев, «единой линии». По сути речь надлежит вести о разных институтах, которые в литературе объединяет «одинаковое», как пишет историк, понятие «община» [2, с. 441-442]. В то же время, согласно убеждению Л. Б. Алаева, следует отказаться от самого понятия «общинный уклад»: «развитая», по словам ученого, крестьянская община является неотъемлемой частью эксплуататорской системы отношений. Как Л. Б. Алаев настаивает, сельская община вместе с вотчиной выступает как единый институт феодального землевладения [2, с. 444].

Несомненно, научная позиция Л. Б. Алаева, яркого критика принятой в отечественной исторической науке прежних лет общинной теории, концепций разложения общины и ее пережитков, зиждется на попытке пересмотреть результаты исследований многих его коллег, опиравшихся на труды основоположников марксизма-ленинизма [2, с. 27-35 и дал., 448-449 и дал.]. Устремления ученого, который не допускает даже мысли о построении какой-либо «теории» общины, требуют пересмотра всех ее положений, выработанных в рамках учения исторического материализма [3, с. 15-17]. По сути историк, посвятивший всю свою научную жизнь изучению общины, полностью отказывается от какой-либо «общинной теории», предлагая взамен обращаться к эмпирическим материалам источников. Надо сказать, что критики Л. Б. Алаева, весьма активно призывающие делать упор на источниках, так же явно «хромают на обе ноги» по теоретическим вопросам (например, см.: [14, с. 22-24; 26, с. 25-30]). Лишь организатор обсуждения книги Л. Б. Алаева, П. Ю. Уваров, постоянно выводит на передний план вопрос об «общинной теории». Правда, лидер современной отечественной медиевистики подразумевает, кажется, исключительно историко-материалистическую концепцию общины прежних лет. Поэтому, наверное, непрерывные ссылки на нее

напоминают всем известное восклицание: «А все-таки она вертится!» По сути же практически, да и фактически, обойдена молчанием научная актуальность создания современного варианта общинной теории [22, с. 41-62]!

Как бы то ни было, яркие научные находки, да и сам богатый опыт Л. Б. Алаева несомненно требуют воздать должное позитивному содержанию труда заслуженного ученого в деле нерешенной доселе задачи разработки современного концепта средневековой сельской общины, иначе говоря, тому, что проделал автор этих строк в движении по пути междисциплинарного и концептуального подхода к проблеме сельской общины (подробнее см.: [5]). Посылкой к тому служит тот факт, что ей в общественной структуре средневекового социума несомненно принадлежит ключевая роль. Подводя итог анализа социокультурных и историко-психологических аспектов развития общинного института, рассматриваемого в исторической ретроспективе Средневековья, в первую очередь хотелось бы обобщить наблюдения над логикой и методологией изучения столь сложного явления, каковою предстает в глазах ученых средневековая сельская община. Особо нужно подчеркнуть, что проделанные изыскания направлены на создание целостного концепта сельской общины. Решение этой задачи опосредует объективизация принципиальных сторон существования средневекового села. Построение теоретической модели призвано раскрыть подлинную природу общины независимо от степени ее эксплицированности в исторических источниках.

Равным образом хотелось бы подчеркнуть, что у историков имеются достаточные основания рассматривать средневековую сельскую общину в качестве как формального, так и неформального образования, которое оправданно соотносить с социально ориентированной общностью, где общение ее членов служит одним из основных средств поддержания их объединения. По всей вероятности, уровень сплочения членов общности в каждом конкретном примере был отличным один от другого и зависел от исторических условий существования и уровня развития изучаемой общинной организации. Выводы некоторых ученых о ее «рыхлости» и наблюдения, отображающие слабую целевую ориентацию деятельностного общения жителей села между собой, свидетельствуют прежде всего не об отсутствии сплоченной общины и тем более ее «упадке», а о ее средневековой специфике. Медиевисты, как правило, не располагают исчерпывающими сведениями и научно апробированными методиками для бесспорного установления и, тем паче, измерения степени «солидарности» членов общины, как и уровня их самосознания. Судить о них историкам приходится по отображенной в анализируемых источниках общественной активности жителей села, выражающей его роль в сфере социальной культуры Средневековья лишь косвенно. Тем не менее системное изучение сведений исторических источников безусловно наделяет исследователя строго научными критериями анализа поставленной проблемы, чтобы придать авторскому взгляду на нее неколебимую убедительность. Кроме того, междисциплинарный и концептуальный подход к общине позволяет наметить возможности применения в ее дальнейшем исследовании методов когнитивной науки. Они

находят все более и более широкое распространение в гуманитарных и естественнонаучных отраслях знаний, не оставляя когнитивистику вне поля зрения специалистов-историков. Для них когнитивный аспект анализа сельской общины, без сомнения, заключен в стремлении найти опору в понятиях и представлениях, свойственных современникам изучаемой эпохи. И, отправляясь от присущих им «аутентичных концептов», — выстраивать свои собственные научные концепции.

Социокультурный концепт сельской общины несомненно складывается из множества компонентов, за которыми стоят разнообразные представления средневекового человека. Ключом к их изучению, безусловно, является анализ понятий и терминологии. Их многозначность и проистекающие из нее разноплановые смысловые коннотации, наверное, в большой мере обуславливали специфику средневековой ментальности и общественного сознания. Тем самым удастся добиться такого результата, который доселе оставался недостижим посредством других методов исследования. Его главным итогом следует считать воссоздание недоступного для прямого наблюдения облика сельской общины как живой и динамичной организации населения средневековой деревни. Неоднозначность социального статуса ее жителей составляет принципиальную черту средневековой сельской общины. Эта ее особенность предопределена возможностью изменения общественного положения каждого из односельчан на протяжении его жизни. Хотя кардинальные перемены социального статуса селянина всегда оставались маловероятны, социально-экономическая поляризация жителей села выражает несомненную специфику средневековой общины. В присущем селу органически общинном укладе в той или иной степени различимы признаки, которые раскрывают не просто социальную структуру и определенную степень упорядоченности, а также институциональное значение сельской общины. Ее нельзя не считать важнейшим элементом аграрного строя эпохи Средневековья.

Краеугольным камнем являлась собственность, выступавшая не только как юридическая, но и как социально-экономическая категория. Равным образом собственность подлежит рассмотрению в качестве категории культуры. Посредством того собственность может быть представлена как социокультурное явление. Благодаря намеченному подходу обезличенный схематичный анализ экономических явлений замещается персонифицированным изучением судеб жителей села и их экономического поведения, обусловленного природными и общественно-политическими формами существования социума. Будучи представлена в этом свете, сельская община вместо строго правовой структуры с юридически закрепленной системой социальных статусов ее членов предстает как сугубо неформальное образование. Подспудно существующие общинные взаимоотношения односельчан определяли многие стороны их повседневной жизни и присущую жителям села систему ценностей, включая представления о свободе. Неоспоримым свидетельством тому являются основные черты групповой психологии средневекового крестьянства.

Наиболее спорным аспектом общинной проблематики, пожалуй, следует считать вопрос о том, в какой степени общинная организация соответствует научному пониманию «коллектива». И дело не только в широте и методологической противоречивости научных интерпретаций названного явления. Не ставя перед собой задачи раскрыть содержание понятий «коллектив» и «коллективизм» в полном спектре их употребления и вкладываемых в них современными учеными-гуманитариями смыслов, можно предположить, что природа стоящих за указанными понятиями явлений обусловлена не просто осознанием принадлежности к общности, каковой бы она ни была — государство, нация, общество в целом или отдельная община. Принципиальным становится возникновение психологической общности членов тех социокультурных образований и объединений, к которым прилагаются названные выше обозначения. Следовательно, научную актуальность обретает выявление особенностей «коллектива» с учетом его природы и исторического содержания. Сказанное целиком и полностью относится к общине, включая сельскую общину. Со всей уверенностью можно говорить о том, что именно складывание психологической общности предполагает оценку степени группового сплочения членов средневековой сельской общины. В этом свете нередко упоминаемая историками «общинность» жителей села являет собой воплощение в специфической форме, предопределенной условиями существования, коллективизма селян. Он находит выражение в производственной, социальной, культурно-бытовой и духовно-религиозной активности односельчан и в достижении ими взаимного согласия. В этой связи ученые — как историки, так и социальные психологи — делают упор на координации и согласованности группового поведения, подчиненного системному принуждению отдельных членов общности со стороны «коллектива». Фактор принудительного и конформного поведения зачастую доминирует в признании единства членов сельского сообщества. При этом специалисты, независимо от их профессиональной специализации, зачастую забывают о том, что само по себе общинное принуждение, например принудительный севооборот, и конформность большинства не могут исчерпать социальных установок, а главное, внутренней мотивации отдельных членов сельской общины. В этом плане особое значение приобретает выявление мотиваций, исходящих от самих общинников как членов объединения. Оно призвано регулировать отношения между ними прежде всего в сфере землепользования, касаясь как земельных наделов, так и угодий. Одновременно общинное объединение охватывает правовые, податные и социальные отношения своих членов в широком представлении их взаимосвязей, иначе говоря — социокультурные и социально-психологические аспекты, которые позволяют характеризовать формирование социальной и психологической общности жителей деревни. Это не только совместно совершаемые действия, но и возникновение и способы разрешения внутригрупповых и межсословных конфликтных ситуаций. В особенности это касается самоуправления и социальных движений, где активность односельчан реализуется на основе самобытных форм их социальной организации и принятых се-

лянами решений, которые затрагивают девиантное поведение меньшинства. С указанной точки зрения оказываются столь же важны как имплицитно, так и латентно выраженные признаки самосознания членов общины, воплощаемые в их самоидентификации и принадлежности к своей общности, будь то сельская община в целом или неотъемлемо составляющие ее части, которые выступают как субъекты социокультурно ориентированной активности жителей села в любой сфере их повседневной жизни.

Словом, описываемые логика и методология исследования сельской общины нацелены на воссоздание по данным источников ее облика в роли формального образования или неформального объединения жителей средневекового села на основании родства и соседства. Несомненно, они играли важнейшую роль, способствуя стимуляции общинных взаимосвязей и целенаправленной общественной активности односельчан. Это побуждает любого историка скрупулезно фиксировать факты родства, свойства и соседских отношений, даже в тех случаях, когда материалы источников не дают возможности прямо и непосредственно раскрывать их характер и обусловленную ими социальную значимость. Действительно, если природные начала родства общепризнанны, то в отношениях соседства пока остается много неясного. Оно с большим трудом может быть представлено формой юридического определения, поскольку соседство воплощается не только и не столько в территориальном единстве, сколько в системе различного рода связей, как социально-экономических и социокультурных, так и морально-нравственных и этических установок и приоритетов, включая дружбу или вражду. Их прямым или косвенным следствием становится возникновение разнообразных психологических мотиваций деятельности и складывания институциональных форм, начиная с семьи и завершая самоуправлением.

Именно с помощью объективно изучаемых критериев, включая орудия труда, формы землепользования, обычаи и нормы поведения, даже личные имена жителей села и многое другое, должны оцениваться и восприниматься общинные взаимосвязи человека прошлого. Они ведь выстраиваются на совокупности отношений людей, претворяемых и в социально-экономической, и в юридическо-административной, и в социокультурной сферах их жизни. И выбор какой-либо одной из этих областей жизнедеятельности человека не может исчерпать присущего ему «духа общинности», тем более что сама по себе упомянутая «общинность» служит крайне важным последствием действия принципов организации общины в психологической сфере как присущая ему форма «коллективизма». Без него «коллектива» нет. Поэтому, характеризуя общину как «коллектив», историку надлежит уметь оценивать его качества, не просто декларируя тождество «общины» и «коллектива», а раскрывая особенности указанных социальных институтов в их исторической ретроспективе. При этом историк не должен забывать, что возникновение психологической общности отличает и другие социальные, культурные и иные общественные группы, поскольку человек одновременно может выступать членом разного типа социальных сообществ и образований — от семьи до этноса и государства, которые накладывают очевидный отпечаток на психи-

ческую сторону жизни индивида. В их числе при характеристике сельской общины бесспорно должны быть рассмотрены и «коллективы» господских поместий, церковных приходов и иных складывающихся в их лоне сообществ односельчан. Различия между «коллективами» таких общественных групп и социальных организаций нередко заключаются даже не в их социальном составе, а в общественных запросах, удовлетворению которых эти коллективы призваны служить. Каждый из них, как и община, немислим вне выработанной в их недрах системы ценностей, моральных и нравственных качеств и этических норм поведения членов названных образований. Их природа predetermined, как правило, не только сословными, но и межсословными взаимодействиями. Они побуждают рассматривать сельскую общину в свете отношений собственности, свободы, зависимости и других социальных и культурных категорий или концептов. И перед историком всегда будет стоять задача различить именно те черты, которые превращают общину в по-своему уникальный социокультурный концепт. Его воссоздание обусловлено в равной степени объективными условиями существования человека в общине и их восприятием исследователем. В то же время община — не природное или стихийное явление, признаки которого фиксируются в виде формально устанавливаемых технических параметров. Община предстает как субъективно объясняемый социальный и культурный феномен. И вне этого поля ее, наряду с родством и соседством, оказывающихся интегральной частью общинных взаимосвязей человека, не существует.

Хотелось бы подчеркнуть и иное. Многие собранные факты, раскрывающие природу общины, будучи рассмотрены в юридическо-правовом аспекте, формализованно и разрозненно, могут стать доказательной базой опровержения ее существования с не меньшей легкостью, чем аргументы в пользу общинного бытия¹. В конечном счете непреходящие черты общины predetermined позиция исследователя — историка или специалиста иного профиля, скажем, антрополога, этнографа, социолога. Именно характер их профессиональной специализации во многом обуславливает специфику изъяснения проблемы общины, тогда как всестороннему раскрытию ее природы служит залогом персональная квалификация каждого из исследователей. Точно так же в глазах антиковеда и медиевиста община сияет гранями, отличными от облика общины недавнего прошлого или современности. В еще большей степени вопрос об общине поставлен в зависимость от типологических и региональных факторов, которые позволяют ученым изображать общину чрезвычайно гибким и легко изменяющимся социальным институтом. Он в действительности был и оставался таковым на протяжении всего времени его существования. И если какой-либо современный наблюдатель не в состоянии разглядеть в мозаике

¹ Непревзойденный пример реинтерпретации сведений источников с полным отказом от признания аргументов в пользу существования общины дает отечественное византиноведение в лице Б. А. Панченко, который, как хорошо известно, выступив против общинной теории К. Э. Цахариз фон Лингентала, В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, кардинально пересмотрел содержание «Земледельческого закона». См.: [16].

общинной картины той или иной черты или, напротив, придает принципиальное значение одному или нескольким признакам, скажем, юридическому статусу, административным функциям или податным обязанностям, это вовсе не лишает общины многомерности и полноты ее социальной и культурной сущности. Ее удостоверяют лишь разноплановые концептуальные построения исследователя. Впрочем, к сожалению, концептуальный и концептологический подходы, не говоря уже о когнитивных аспектах их применения, к изучению исторических проблем у специалистов-историков до сих пор не получает надлежащего развития.

Вся социокультурная канва повседневного бытия жителей села выткана узором общинных обычаев и традиций. Они формировали тот самобытный общинный мир, который был выслан сложившейся ранее психологией общения односельчан друг с другом, с их господами, равно и со светскими и церковными властями. К сожалению, далеко не все аспекты их взаимоотношений возможно раскрыть с помощью известных современному историку источников. Кто бы ни объявлял общиной социальную группу, члены которой знают друг друга лично, установить доподлинно такой факт на уровне характеристики социальной системы в ее историческом развитии невозможно. Многие стороны жизни средневекового общинного села реконструируются в большой мере гипотетично. Тем не менее они позволяют с уверенностью говорить о том, что и сельская община, и приходская организация, которую вполне оправданно рассматривать как своего рода альтернативный инвариант общины, независимо от того, совпадали они полностью или частично, в основных их чертах оставались неформальными объединениями с присущими им социокультурными признаками. И дело заключается вовсе не в том, что община являлась естественно сложившимся социальным институтом. Практически для любого историка вполне очевидно, что в определенных общественных условиях те или иные общины как административно-территориальные образования бывали основаны по инициативе государства и представителей господствующего класса. Главное, что превращало эти образования в подлинную общину, заключалось в естественно-исторически возникавшей социокультурной и психологической общности членов этих образований. Именно в таковой своей природе предстает перед современным исследователем средневековая сельская община со свойственной ей системой отношений жителей села, согласно социокультурному концепту, предлагаемому автором этих строк для объяснения сложнейшего и внутренне противоречивого исторического явления.

Дальнейшие перспективы изучения общинной проблематики эпохи Средневековья, в особенности таких явлений, как родство, соседство, коллектив и сплочение, определятся в будущем только по мере освоения специалистами-историками вновь разрабатываемых методов опирающейся на междисциплинарный подход когнитивной науки. Несомненно, однако, что предложенное некогда автором этих строк определение сельской общины послужило в качестве надежного научного основания для создания социокультурного концепта, где названный феномен рассматривается «как организация жителей деревни,

объединяющая их на основе родства, свойства и соседства для регулирования социально-экономических, включая самоуправление и межсословное взаимодействие, культурно-бытовых, идейно-религиозных отношений своих членов благодаря формированию между ними психологической общности» [8]. Предлагаемый концепт со всей очевидностью оправдывает раскрытие целого ряда сторон средневековой сельской общины в качестве «формального или неформального социального объединения сельских жителей» [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаев Л. Б. Л. Б. Алаев: община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах / Л. Б. Алаев. М.: Восточная лит-ра, 2000. 584 с.
2. Алаев Л. Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе / Л. Б. Алаев. М.: Восточная лит-ра, 2016. 480 с.
3. Алаев Л. Б. «Тезисы, выносимые на зашиту» / Л. Б. Алаев // Средние века. М., 2017. № 78 (3). С. 15-17.
4. Алаев Л. Б. Чем была «русская община» и что такое «русская общинность» / Л. Б. Алаев // История и современность. М., 2014. № 2 (20). С. 46-72.
5. Вин Ю. Я. Концепт средневековой сельской общины: социокультурный и историко-психологический аспекты / Ю. Я. Вин. Волгоград: ВолГУ, 2018. [В печати.]
6. Вин Ю. Я. Социокультурный концепт — выбор метода в историческом исследовании: Теоретические аспекты когнитивной истории / Ю. Я. Вин // Проблемы исторического познания. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 124-142.
7. Вин Ю. Я. Средневековая сельская община как объект концептуального изучения / Ю. Я. Вин // Средние века. М., 2017. № 78 (3). С. 63-76.
8. Вин Ю. Я. Рец.: Genicot L. Rural Communities in the Medieval West. Baltimore; London, 1990 / Ю. Я. Вин // Вопросы истории. М., 1994. № 1. С. 184-186.
9. Донских О. А. Воля к достоинству: Национальный идеал в истории России / О. А. Донских. М.: ЛЕНАНД, 2018. 208 с.
10. Качоровский К. Р. Русская община. Возможно ли, желательно ее сохранение и развитие? (Опыт цифрового и фактического исследования) / К. Р. Качоровский. СПб.: Тип. «Народная польза», 1900. Том 1. 4, VI. 431 с.
11. Качоровский К. Р. Русская община. Возможно ли, желательно ее сохранение и развитие? / К. Р. Качоровский. М.: Тип. Русского Товарищества, 1906. III. 362 с.
12. Качоровский К. Р. Что такое община? Исследование крестьянской общины в России / К. Р. Качоровский. М.: ЛЕНАНД, 2014. 368 с.
13. Котельникова Л. А. Крестьянская община / Л. А. Котельникова // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М.: Наука, 1986. Том 2. С. 476-492.
14. Кулланда С. В. Община: вечная актуальность / С. В. Кулланда // Средние века. М., 2017. № 78 (3). С. 22-24.

15. Мальцев Г. В. Крестьянская община в истории и судьбе России / Г. В. Мальцев. М.: РГТЭУ, 2010. 216 с.
16. Панченко Б. А. Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий закон и монастырские документы / Б. А. Панченко // Известия Русского Археологического института в Константинополе. София, 1904. Том IX. Вып. 1-2. XII. 234 с.
17. Попов В. А. Община / В. А. Попов // Большая Российская энциклопедия. М.: БРЭ, 2013. Том 23. С. 580.
18. Приглашение к дискуссии: общности и их функции // Средние века. М., 2017. № 78 (3). С. 41-93.
19. Русская община / сост., автор предислов., отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1376 с.
20. Споры об общине // Средние века. М., 2017. № 78 (3). С. 14-40.
21. Субботина Н. Д. Социальная эволюция и поведение человека: Диалектика естественного и социального, сохранения и развития / Н. Д. Субботина. М.: ЛЕ-НАНД, 2014. 432 с.
22. Уваров П. Ю. Общины, общности и медиевисты / П. Ю. Уваров // Средние века. М., 2017. № 78 (3). С. 41-62.
23. Удальцова З. В. Византийская империя в Раннее Средневековье (IV-XII вв.) / З. В. Удальцова // История Европы. М.: Наука, 1985. Том 2: Средневековая Европа. С. 85-111.
24. Удальцова З. В. Типологические особенности феодализма в Византии / З. В. Удальцова, К. А. Осипова // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л.: Наука, 1974. Вып. 1. С. 19-28.
25. Удальцова З. В. Формирование феодального крестьянства в Византии (VII-XI вв.) / З. В. Удальцова, К. А. Осипова // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М.: Наука, 1985. Том 1. С. 387-426.
26. Филиппов И. С. О пользе споров с призраками: отжившие представления об общине, которые все еще живы / И. С. Филиппов // Средние века. М., 2017. № 78 (3). С. 25-30.
27. Чешев В. В. Ментальность русской крестьянской общины (по «Письмам из деревни» А. Н. Энгельгарда) / В. В. Чешев. Томск: ТГАСУ, 2014. 87 с.
28. Щавелев А. С. «Кельтские поля» и германские общины: реплика к одной сноске из книги Л. Б. Алаева «Сельская община...» / А. С. Щавелев // Средние века. М., 2017. № 78 (3). С. 31-37.
29. Яркова И. В. Концепция сельской общины в контексте развития отечественной медиевистики последней трети XX в. / И. В. Яркова // Актуальные проблемы филологии, истории и культурологии: теоретический и методологический аспекты. Тобольск: ТГСПА, 2011. С. 41-44.
30. Alfonso I. Exploring Difference within Rural Communities in the Northern Iberian Kingdom, 1000-1300 // Rodney Hilton's Middle Ages: An Exploration of Historical Themes / Chr. Dyer, P. Coss, Chr. Wickham (eds.). Oxford: Oxford Univ. Pr., 2007. Pp. 87-100.
31. Burin M. Peasant Elites and Village Communities in the South of France, 1200-1350 // Rodney Hilton's Middle Ages: An Exploration of Historical Themes / Chr. Dyer, P. Coss, Chr. Wickham (eds.). Oxford: Oxford Univ. Pr., 2007. Pp. 101-114.

32. Müller M. A Divided Class? Peasants and Peasant Communities in Later Medieval England // Rodney Hilton's Middle Ages: An Exploration of Historical Themes / Chr. Dyer, P. Coss, Chr. Wickham. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Pr., 2007. Pp. 115-131.
33. Schofield P. R. Peasant and Community in Medieval England, 1200-1500 / P. R. Schofield. New York: Palgrave Macmillan, 2003. VIII, 279 p.

Yury Ya. VIN¹

UDC 93

SOCIO-CULTURAL CONCEPT OF THE MEDIEVAL RURAL COMMUNITY: DRAWING THE CONCLUSIONS

¹ Cand. Sci. (Hist),
Senior Researcher of the Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences
hkn@igh.ras.ru

Abstract

The rural, village community has always aroused and generated a keen interest of scholars as no other social problems. Approaches to its studying vary. Nowadays, the mediaeval rural community has become a frequent subject of detailed analysis on the pages of many academic books and articles. Their analysis has helped the author of this article to shape a science-based concept of rural community by the newest attitudes to cognitive sciences. It represents the cohesion of this concept and conceptions of collective and collectivity, neighborhood and solidarity. Many sides of life in medieval village are reconstructed to a considerable degree as hypothetical subject. Nevertheless, they allow to affirm that the rural community and parish (which can be examined as an alternative invariant of community) remained informal unities with their distinguishing features. It was independent of them, whether they coincided fully or partially. The main aspect that transformed the unity of village inhabitants into the real community, was in sociocultural and psychological commonality, which came out naturalistically.

At the same time, the author defines the rural community based on the approach to rural community as an organization of village inhabitants, united by kinship, relations, and neighborhood for regulation of social and economic, including self-governing and class interconnections, cultural and public, ideological and religious connections of community members owing to formation of psychological collectivity. This definition helps to develop the social-cultural concept of mediaeval rural community, which is examined as formal and

Citation: Vin Yu. Ya. 2018. "Socio-Cultural Concept of the Medieval Rural Community: Drawing the Conclusions". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 4, no 2, pp. 174-192.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-2-174-192

non-formal social unity of village inhabits. The proposed concept foreordains the further perspectives of studying community problems of the Middle Ages.

Keywords

Community, rural community, collective, collectivity, solidarity, neighborhood.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-2-174-192

REFERENCES

1. Alaev L. B. 2000. L. B. Alaev: obshchina v ego zhizni. Istoria neskol'kikh nauchnykh idey v dokumentakh i materialakh [L. B. Alaev: The Community in his Life. The History of some ideas in Documents and Materials]. Moscow: Vostochnaya literature.
2. Alaev L. B. 2016. Selskaya obshchina: "Roman, vstavlennyy v istoriyu". Kriticheskiy analiz teoriy obshchiny, istoricheskikh svidetelstv ee razvitiya i roli v stratifitsirovannom obshchestve [The Rural Community: "Roman, installed in History". The Critical Analysis of Theories of Communities, Historical Evidences of Its Development and Role in Stratified Society]. Moscow: Vostochnaya literature.
3. Alaev L. B. 2017. "Tezisy, vynosimye v zashchitu" [Theses for Defense]. Srednie veka [The Middle Ages], no 78 (3), pp. 15-17. Moscow.
4. Alaev L. B. 2014. "Chem bula 'russkaya obshchina' i chto takoe 'russkaya obshchinnost'" [What Was "Russian Community" and What Is "Russian Communitary"]. Istoria i sovremennost' [The History and Modernity], no 2 (20), pp. 46-72. Moscow.
5. Vin Yu. Ya. 2018. Concept srednevekovoy sel'skoy obshchiny: sotsiokulturnyy i istoriko-psikhologicheskiy aspekty [Concept of the Medieval Rural Community: sociocultural and historical psychological aspects]. Volgograd, VolGU. (in press)
6. Vin Yu. Ya. 2009. "Sotsiokul'turnyy kontsept — vybor metoda v istoricheskom issledovanii: Teoreticheskie aspekty kognitivnoy istorii" [Sociocultural Concept — the choice of method in historical Study: The theoretical Aspects of Cognitive History]. In: Problemy istoricheskogo poznaniya [The Problems of historical Knowledge], pp. 124-142. Moscow: IVI RAN.
7. Vin Yu. Ya. 2017. "Srednevekovaya sel'skaya obshchina kak objekt kontseptual'nogo izucheniya" [The Medieval Rural Community as an Object of Conceptual Study]. Srednie veka [The Middle Ages], no 78 (3), pp. 63-76. Moscow.
8. Vin Yu. Ya. 1994. "Rez.: Genicot L. Rural Communities in the Medieval West. Baltimore; London, 1990" [Revue: Genicot L. Rural Communities in the Medieval West. Baltimore; London, 1990]. Voprosy istorii [The Questions of History], no 1, pp. 184-186. Moscow.
9. Donskikh O. A. 2018. Volya k dostoinstvu: Natsional'nyy ideal v istorii Rossii [The Volition for Dignity: National Ideal in History of Russia]. Moscow: LENAND.
10. Kachorovskiy K. R. 1900. Russkaya obshchina. Vozmozhno li, zhelatel'no ee sokhranenie i razvitie? (Opyt tsifrovogo i fakticheskogo issledovaniya) [Russian Community. Is it possible, might it be as well to keep and develop it? An Experience of numeral and factual Research]. Vol. 1. 4, VI. Saint Petersburg: Narodnaya polza.

11. Kachorovskiy K. R. 1906. Russkaya obshchina. Vozmozhno li, zhelatel'no ee sokhranenie i razvitiye? [Russian Community. Is it possible, might it be as well to keep and develop it?]. Moscow: Tipografiya russkogo Tovarishchestva.
12. Kachorovskiy K. R. 2014. Chto takoe obshchina? Issledovanie krest'yanskoy obschiny v Rossii [What is Community in Russia? A Study of Peasant Community in Russia]. Moscow: LENAND.
13. Kotel'nikova L. A. 1986. "Krest'yznskaya obshchina" [The Peasant Community]. In: Istorija krest'yanstva v Evrope, Epokha feodalizma [The History of Peasantry in Europe: Epoch of Feudalism]. Vol. 2, pp. 476-492. Moscow: Nauka.
14. Kullanda S. V. 2017. "Obshchina: vechnaya aktual'nost'" [The Community: Eternal Actuality]. Srednie veka [The Middle Ages], no 78 (3), pp. 22-24.
15. Maltsev G. V. 2010. Krest'yanskaya obshchina v istorii i sud'be Rossii [The Peasant Community in History and Fate of Russia]. Moscow: RGTEU.
16. Panchenko B. A. 1904. "Krest'anskaya sobstvennost' v Vizantii. Zemledel'cheskiy zakon i monastyrskie dokumenty" [The Peasant Property in Byzantium. Nomos Georgicos and monastic Documents]. Izvestia Russkogo Arkheologicheskogo Instituta v Konstantinopole, vol. 9, no 1-2.
17. Popov V. A. 2013. "Obshchina" [The Community]. In: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya [The Great Russian Encyclopedia], vol. 23, p. 580. Moscow: BRE.
18. RAS. 2017. "Priglasenie k diskussii: obshchnosti i ikh funktsii" [Invitation for Discussion: The Commonalities and their Functions]. Srednie veka [The Middle Ages], no 78 (3), pp. 41-93. Moscow: RAS.
19. Platonov O. A. (ed.). 2013. Russkaya obshchina [Russian Community]. Moscow: Institut Russkoy tsivilizatsii.
20. RAS. 2017. "Spory ob obshchine" [Dispute on the Community]. Srednie veka [The Middle Ages], no 78 (3), pp. 14-40. Moscow.
21. Subbotina N. D. 2014. Sotsial'naya evolutsia i povedenie cheloveka: Dialektika estestvennogo i sotsial'nogo, sokhraneniya i razvitiya [The Social Evolution and Behavior of Man: Dialectic of the Natural and Social, of Preservation and Development]. Moscow: LENAND.
22. Uvarov P. Yu. 2017. "Obshchiny, Obshchnosti i medievisty" [The Communities, Common]. Srednie veka [The Middle Ages], no 78 (3), pp. 41-62. Moscow.
23. Udaltsova Z. V. 1985. "Vizantiyskaya imperia v rannee srednevekov'e (IV-XII vv.)" [Byzantine Empire in Early Middle Age (4-12th cc.)]. Istorija Evropa, Srednevekovaya Evropa [The History of Europe, The Middle Age Europe], vol. 2, pp. 85-111. Moscow: Nauka.
24. Udaltsova Z. V., Osipova K. A. 1974. "Tipologicheskie osobennosti feodalizma v Vizantii" [Typological Peculiarities of Feudalism in Byzantium]. In: Problemy sotsial'noy struktury i ideologii srednevekovogo obshchestva [The Problems of Social Structure and Ideology of Middle Age Society], vol. 1, pp. 19-28. Leningrad: Nauka.
25. Udaltsova Z. V., Osipova K. A. 1985. "Formirovanie feodal'nogo krest'yanstva v Vizantii (VII-XI vv.)" [The Forming of feudal Peasantry in Byzantium (7-11 cc.)]. Istorija krest'yanstva v Evrope, Epokha feodalizma [The History of Peasantry in Europe: Epoch of Feudalism], vol. 1, pp. 387-426. Moscow: Nauka.

26. Filippov I. S. 2017. "O pol'ze sporov s prizrakami: otzhivshie predstavleniya ob obshchine, kotorye vse eshche zhivy" [On the Utility of Arguments against Apparitions: the obsolete Representations about the Community, which are still lived]. *Srednie veka* [The Middle Ages], no 78 (3), pp. 25-30. Moscow.
27. Cheshev V. V. 2014. Mental'nost' russkoy krest'yanskoy obshchiny: (po "Pis'mam iz derevni" A. N. Engel'garda) [The Mentality of Russian Peasant Community: (According to "Letters from Village")]. Tomsk, TGASU.
28. Shchhavelev A. S. 2017. "Kel'tskie polya' i germanskije obshchiny: replica k odnoy snoske iz knigi L. B. Alaeva 'Sel'skaya obshchina...'" ["Celts' Fields" and German Communities: A Remark to a Note of Book by L. B. Alaev "Rural Community..."]. *Srednie veka* [The Middle Ages], no 78 (3), pp. 31-37. Moscow.
29. Yarkova I. V. 2011. "Kontseptsiya sel'skoy obshchiny v kontekste razvitiya otechestvennoy medievistiki posledney treti XX v." [The Conception of Rural Community in the Context of Development of native historiography in the last third of 20th c.]. In: Aktual'nye problemy filologii, istorii i kul'turologii: teoreticheskiy i metodologicheskiy aspekty [Actual Problems of Philology, History and Culturology: theoretical and Methodological Aspects], pp. 41-44. Tobolsk, TGSPA.
30. Alfonso I. 2007. "Exploring Difference within Rural Communities in the Northern Iberian Kingdom, 1000-1300". In: Dyer Chr., Coss P., Wickham Chr. (eds.). *Rodney Hilton's Middle Ages: An Exploration of Historical Themes*, pp. 87-100. Oxford: Oxford Univ.
31. Burin M. 2007. "Peasant Elites and Village Communities in the South of France, 1200-1350". In: Dyer Chr., Coss P., Wickham Chr. (eds.). *Rodney Hilton's Middle Ages: An Exploration of Historical Themes*, pp. 101-114. Oxford: Oxford Univ.
32. Müller M. 2007. "A Divided Class? Peasants and Peasant Communities in Later Medieval England". In: Dyer Chr., Coss P., Wickham Chr. (eds.). *Rodney Hilton's Middle Ages: An Exploration of Historical Themes*, pp. 115-131. Oxford: Oxford Univ.
33. Schofield P. R. 2003. *Peasant and Community in Medieval England, 1200-1500*. New York, Palgrave Macmillan.